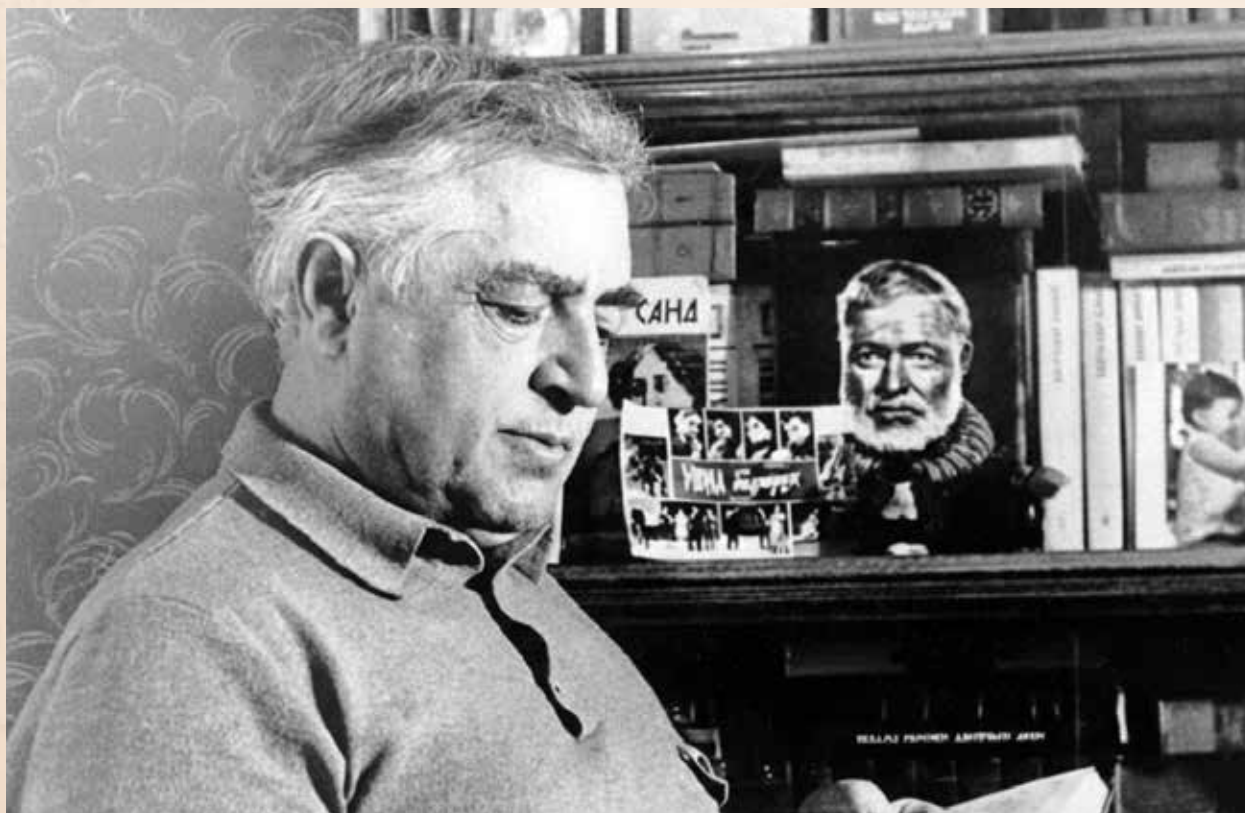

Абузар БАГИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ

МАСТЕР ЛИРИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГИЗМА

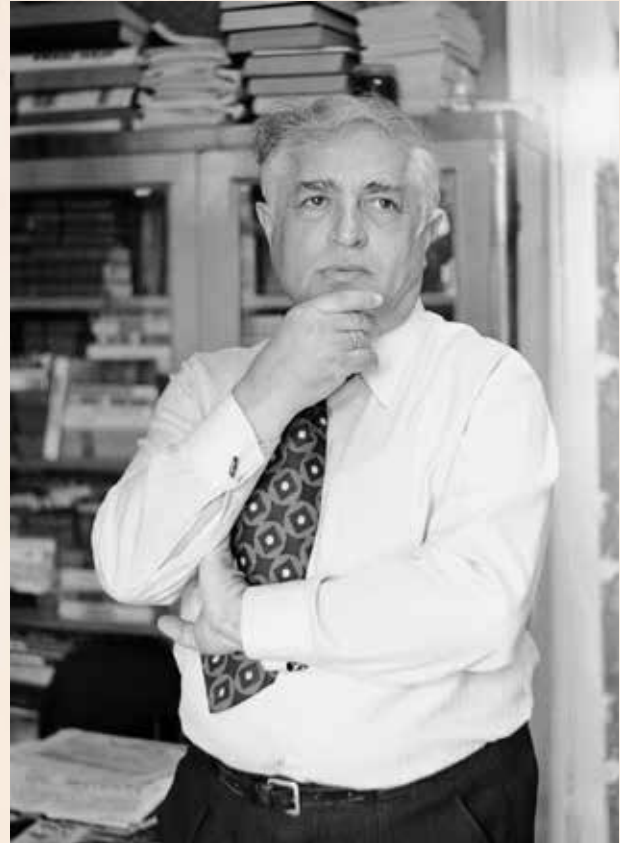
Важнейшей миссией художественной литературы во все времена являлась и является передача совокупных знаний образного мышления следующим поколениям. При этом в разные исторические периоды перед создателями изящной словесности стояли разные задачи, обусловленные потребностями развития общества. Естественно, проповедуемые приоритеты художественных образцов менялись с античных эпох до наших дней в связи с многократными изменениями социально-политического строя. Тем не менее, зарождение

и становление античной письменной литературы на начальном этапе выстраивалось вокруг чувств, страстей, восприятия окружающего мира и борьбы за выживание каждого отдельного индивидуума. В принципе эта закономерность коренным образом не менялась никогда. Одним словом, в центре внимания художников слова всегда стояли человек и его сокровенные думы, чаяния, конфликты, психологические, социальные, общественные, политические и всевозможные житейские проблемы.

В советский период вся культура, в том числе художественная литература, политизировалась как никогда. Партийные идеологи придумали для всей советской культуры новый творческий метод – социалистический реализм. В искусстве, как и в художественной литературе, должны были быть отражены только положительные, светлые стороны социалистической действительности, строго в реалистическом плане. Советские мастера пера вели себя по-разному: **кто воспринимал партийную директиву как единственно приемлемый способ самовыражения, а кто ловко лавировал между соцреализмом и разными традиционными или новоиспечёнными методами.** Известный прозаик и драматург, народный писатель Азербайджана (1979) Ильяс Эфендиев для уклонения от социально-политической догмы уже начиная с ранних своих рассказов выбрал очень привлекательный и безопасный творческий стиль – лирический психологизм.

Ильяс Эфендиев родился в 26 мая 1914 года в деревни Сараджыг Карягинского уезда Елизаветпольской губернии, (ныне - Физулинского района Азербайджанской Республики) в семье зажиточного, образованного купца Магомеда Эфендиева (1884–1934). У будущего знаменитого писателя отцовская линия была потомственными купцами, а материнская линия прославилась во всём Карабахе своей религиозной образованностью и светской просвещённостью. После советизации большевики не щадили род Эфендиевых: некоторых заклеили страшным ярлыком «враг народа» и расстреляли без суда и следствия, других целыми семействами сослали вдаль от родных очагов. Отца будущего писателя объявили кулаком и лишили права голоса. Отобрали у семьи всё нажитое годами честным путём: магазин, фруктовый сад, огромное имение. В те годы кулаки рассматривались как социальные изгои общества. Лишение права голоса на практике означало, что человек фактически лишался всех прав члена общества. Но **памятью о проявленных семьей Эфендиевых в прежние годы доброте и человечности к простому народу, люди всячески помогали им выживать, порой очень серьезно при этом рискуя.** Семейство Магомедкиши из девяти человек приютилось в выделенных советской властью двух маленьких комнатах на втором этаже некогда их же собственного,

экспроприированного советской властью большого имения. Не выдержав тягот того смутного и драматического времени, Магомед Эфендиев тяжело заболел и вскоре умер, прожив всего 50 лет, хотя перед смертью выглядел как 80-летний. В это время Ильясу было 20 лет, он окончил среднюю школу и уже три года (1930–1933) работал учителем азербайджанского языка и литературы в школе села Большой Бахманлы родного района, успев отучиться год на филологическом факультете Азербайджанского Педагогического института в Баку. Будучи в семье был старшим сыном, Ильяс после смерти отца вынуждено перевёлся на заочное отделение географического факультета и вернулся домой, чтобы заботиться о большой семье. Будучи студентом-заочником, преподавал географию в Карягинской городской средней школе. **В 1938 году получил диплом о высшем образовании и переехал на постоянное жительство в Баку, где с помощью известного писателя Али Велиева (1901–1983) устроился литературным сотрудником в газеты «Ени йол» и «Коммунист».** Затем работал на разных должностях: заведующим отделом прозы литературной газеты «Адабият» (1940–1941); заведующим отделом литературы Азербайджанского

радиокомитета (1941–1947); заведующим отделом сценария в Бакинской киностудии (1944–1945); заведующим отделом литературы в издательстве «Азернешр» (1945–1946); заведующим отделом прозы журнала «Ингилаб ве меденийет» – «Революция и культура» (1946–1947). В дальнейшем работал в Союзе писателей Азербайджана консультантом по прозе (1952–1958), ответственным секретарём (1958–1961).

В 1940 году молодого писателя Ильяса Эфендиева приняли в члены Союза писателей. Посвятив себя литературному творчеству, он никогда не стремился к ответственным должностям. На протяжении более полувека служение художественному слову для него было наивысшим удовлетворением, трепетным наслаждением. Его творчество получило высокую оценку со стороны государства: звания заслуженного деятеля искусств АзССР (1960), лауреата Государственной премии Азербайджана (1972), народного писателя республики (1979), ордена, медали, почётные грамоты и т.д.

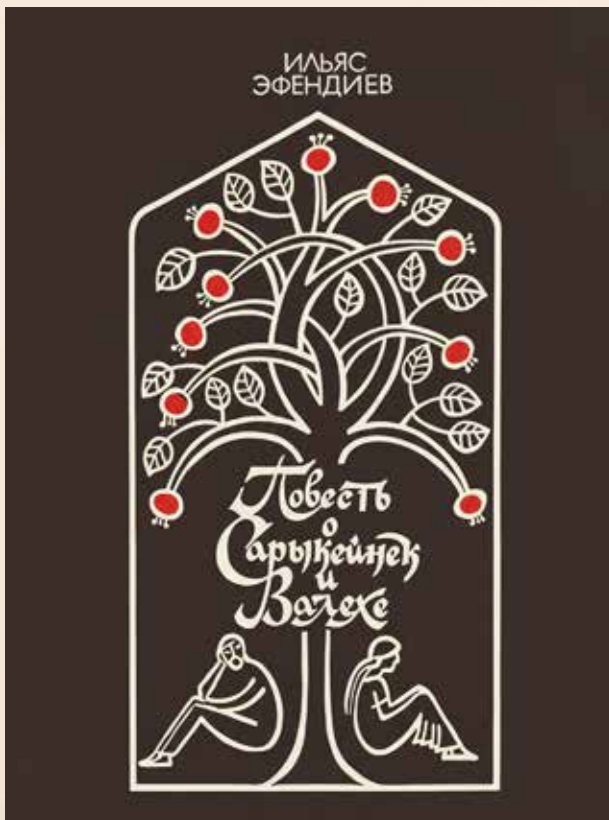
Ильяс Эфендиев прошёл долгий, плодотворный творческий путь. Его произведения сразу привлекали внимание маститых азербайджанских писателей, литературоведов, критиков, в том числе **Сулеймана Рустама (1900–1983), Абульгасана (1904–1986), Али Велиева, Мамеда Арифа (1904–1975), Османа Сарывелли (1905–1990), Самеда Вургуну (1906–1956), Мамеда Джафара (1909–1992), Мех-**

ти Гусейна (1909–1965), Гусейна Шарифова (1909–1989), Сабита Рахмана (1910–1970), Оруджали Гасанова (1914–1991), Акбера Агаева (1915–1989). Многочисленные рассказы, повести, романы, литературные эссе, пьесы Ильяса Эфендиева изданы большими тиражами в более чем сорока книгах на азербайджанском и русском языках в Баку и в Москве. В советский период его имя было широко известно по всему Советскому Союзу, достойно представляло азербайджанскую литературу.

Ильяс Эфендиев пришёл в литературу в конце тридцатых годов прошлого века. **Его первой публикацией является «Одна ночь в Берлине», опубликованная 26 января 1939 года в газете «Адабият». Первая книга рассказов «Письма из деревни» вышла в 1939 году в бакинском издательстве «Азернешр».** В этих рассказах преобладают драматические ситуации, диалоги предельно достоверно характеризуют героев, чувствуются глубокое знание жизненных ситуаций и ясная авторская позиция. Пристальный интерес к насущным социальным проблемам современности, стремление к созданию ярких и цельных человеческих характеров отличают второй сборник автора «Ясные ночи», выпущенный издательством «Азернешр» в 1945 году. Прозаические произведения Ильяса Эфендиева «Ивы над арыком» (1958), «Кизилый мост» (1960), «Три друга за горами» (1964), «Сказка об иволге и Валехе» (1979), «Не оглянись назад, старик» (1981),

«Трёхстволка» (1981) и другие выделяются современностью и новаторством, лирическим психологизмом. Герои его прозы - честные и добрые люди, настоящие патриоты своей родины, профессионалы и созидатели, но все они романтики, влюблённые в родной край.

Автор рано попробовал себя в драматургии: в 1943 году в соавторстве с Мехти Гусейном написал пьесу «Интизар» о Великой Отечественной войне. Азербайджанский государственный драматический театр осуществил премьеру спектакля в 1944 году. Воодушевлённый молодой драматург начал создавать одну за другой полноценные, художественно выверенные пьесы, и до самого конца творческого пути не отступал от этой линии, годами неуклонно развивал свой драматургический талант, и в итоге **сформировал собственную театральную школу под гордым названием «Театр Ильяс Эфендиева», занявшую достойное место на азербайджанском театральном олимпе.** Его пьесы о труде бакинских нефтяников «Светлые пути» (1947) и о проблемах азербайджанской деревни - «Вешние воды» (1948); психологические драмы «Семья Атаевых» (1954), «Ты всегда со мной» (1965), «Не могу забыть» (1968), «Моя вина» (1969), «Уничтоженные дневники» (1970), «Песня осталась в горах» (1971),

Общациональный лидер Гейдар Алиев и Ильяс Эфендиев

«Странный парень» (1973), «Голос из садов» (1976), «Одинокое лоховое дерево» (1991), «Умники и сумасшедшие» (1992); исторические драмы «Хуршидбану Натаван» (1980), «В хрустальном дворце» (1983), «Шейх Мухаммед Хиябани» (1986), «Наша странная судьба» (1988), «Правитель и его дочь» (1994) и другие ставились в разных театрах Азербайджана, всегда встречая большой интерес зрителей, и давно стали классикой азербайджанской драматургии.

Ильяс Эфендиев находился в постоянном творческом поиске, осваивая новые темы, оригинальные художественные формы. **Пьеса «Ты всегда со мной» в своё время привнесла свежее дыхание на азербайджанскую сцену,** внеся в строгую классическую форму драмы лирическую, глубоко поэтическую и тонкую психологическую струю. Эта пьеса пользовалась и по сей день пользуется неизменным и заслуженным успехом у зрителей самого разного возраста.

Ильяс Эфендиев - прежде всего мастер психологической драмы. Через призму индивидуальной судьбы своего героя он ярко и образно показывает, чем живёт целое поколение. **Пьесы автора отличаются глубокой самобытностью, проблематичностью, тонким лиризмом, типическими характерами, заимствованными**

Могила Ильяса Эфендиева на Аллее почётного захоронения

из самой жизни. Герои этих пьес - люди с крепкими характерами, это целеустремлённые, честные, добрые, хорошо знающие цель жизни полнокровные, живые образы, ведущие за собой читателей и зрителей. Борьба с несправедливостью, с отрицательными человеческими качествами – одна из главных черт, присущих и прозаическим, и драматическим произведениям Ильяса Эфендиева.

Расцвет лирико-психологического направления в азербайджанской драматургии начался в 1970-е годы, когда психологическая разработка стала ведущей тематикой. Но **Ильяс Эфендиев внёс ощутимый вклад в лирико-психологический стиль гораздо раньше, а в период творческого расцвета своими лучшими своими драматургическими произведениями возглавил это направление.** Выдвинутые писателем на первый план большие нравственные проблемы и их решение заинтересовали самую разнообразную зрительскую аудиторию.

Знаменитый прозаик и драматург, мастер лирического психологизма в азербайджанской литературе Ильяс Эфендиев ушёл из жизни 3 октября 1996 года. Его прах покоится на Аллее почётного захоронения в городе Баку.

Честь и чистота – мерила человеческого достоинства. Честные и добрые герои современно-

го классика Ильяса Эфендиева живут в его произведениях, живут среди нас, в наших сердцах и в памяти. И сегодня тема патриотизма в произведениях писателя как никогда актуальна и злободневна, и молодые люди, готовящиеся защищать свою Родину, свой родной Азербайджан, могут многому научиться, многое подчерпнуть из литературного наследия великого писателя. ✦

Литература

1. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
2. Azərbaycan sovet ədəbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorları: Ə. Mirəhmədov, B. Vahabzadə, F. Hüseyinov. Bakı, "Maarif", 1966. 436 s.
3. Ильяс Эфендиев. Повести («Повесть о Сарыкейнек и Валехе», «Кизилый мост»). Москва, «Советский писатель», 1983. 376 с.
4. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, "Nurlar", 2004. 984 s.
5. А.Дж. Рустамова, Б.А. Набиев, Я.В. Гараев. Азербайджанская литература. Краткий очерк (для азербайджанской диаспоры). Баку, «Элм», 2005. 456 с.
6. Ильяс Эфендиев. Избранные произведения. В двух томах. Том первый. Составитель и редактор: Эльчин. Баку, «ЧИНАР-ЧАП», 2002. 616 с.
7. Большая Российская Энциклопедия. Том 35. Издание осуществлялось под научным руководством Российской академии наук. Москва, Научное издательство «БРЭ», 2017. С. 504.
8. N.F.Əsədullayeva. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatında ideoloji düşmən obrazları və tarixi həqiqət: 1920-1960-cı illər. Filologiya üzrə elmlər dok. ... dis. Avtoreferatı. Nizami Gəncəvi adına Milli Azərbaycan Ədəbiyyatı Muzeyi. Bakı, 2025

This article briefly describes the activities of Ilyas Afandiyev, a prominent figure of Azerbaijani literature, prose writer and playwright of the 20th century. It is noted that the writer, one of the outstanding representatives of the lyrical and psychological literary movement, promoted sublime human qualities and humanistic values through his work.

КИЗИЛОВЫЙ МОСТ

повесть (сокращённо)

САРИЯ

Скоро год, как мы поженились. Папа говорит, что я теперь настоящая дама: муж, собственная квартира, и даже «Волга». Правда, «Волга» не наша, а моего свёкра, но когда по воскресеньям мы ездим за город, и я веду машину, никто не сомневается в том, что она моя, эта голубая красавица.

Каждое утро, ровно без четверти девять, Адиль уходит в свое Главное дорожное управление, а я бегу на базар. Возвратившись с продуктами, готовлю обед, прибираю в комнатах. Квартира у нас большая. Я даже испугалась, когда впервые увидела её.

– Что же мы будем сюда ставить?!

– Не беспокойся, – улыбнулся Адиль. – Найдётся кое-что. Твой муж запасливый.

Адиль старался развлекать меня: мы часто ходили в кино, в гости. Особенно нравилось мне водить машину: ведь мой отец был шофёром. Маленькую, он любил сажать меня рядом с собой в кабину грузовика, а когда подросла, стал давать руль. «Сария у меня за сына», – часто говорил он.

Мой муж редко шутил, никогда не болтал о пустяках. Он любил повторять, что человек должен беречь свое время, ибо создан для того, чтобы стремиться к совершенству.

– Адиль, – спросила я его однажды, – вот ты говоришь: расти, стремиться, развиваться... для этого создан человек. А разве человек создан не для счастья? Помнишь, один писатель, не помню кто, сказал, что человек рождён для счастья, как птица для полёта.

– Это сказал Короленко... – устало прикрыв веки, промолвил Адиль. Он всегда всё знал, мой муж. – Слова правильные, Сария. Но необходимо уяснить себе, что такое счастье.

Я часто думала об этом, но мне не по силам было «уяснить себе» – назвать словами, в чём же состоит счастье. Я чувствовала только, что счастье – это что-то очень хорошее и, наверное, я этого ещё не испытывала.

– Знаешь, маленькая, – сказал мне как-то Адиль, – придётся нам с тобою на некоторое время поехать в район.

– Куда? – заинтересовалась я.

– Твой муж назначен начальником строительства новой шоссейной дороги в К.-ском районе. Видишь ли, это дело очень перспективное, и если работа будет выполнена на должном уровне... –

Он немного помолчал и добавил, с улыбкой глядя на меня: – Тебе ведь тоже необходимо поработать, если ты собираешься в институт. Мой маленький техник практически умеет только готовить плов с куропатками и крахмалить мужу сорочки. Техник Сария Джафарзаде! Неплохо звучит. А потом вернёмся в Баку, надо только, разумеется, успешно сдать стройку...

– Понимаешь, маленькая, – сказал Адиль после ужина, удобно устраиваясь на диване, – это именно то дело, которого я все время ждал. Не хмурься и начинай собираться понемногу. Дней через десять поедem. – Он ласково потрепал меня по плечу.

Я купила плащи себе и Адилю, две пары брезентовых сапог, фонарик, маленький радиоприёмник, фотоплёнку, две раскладушки...

Вскоре Адиль подкатил к подъезду на запылённом газике, который ему предоставили в управлении. Мы погрузили вещи и отправились в К.-ский район.

Пока Адиль принимал дела, мы жили в районном центре, в гостинице. Будущая дорога должна была соединить райцентр с горными пастбищами и большим животноводческим совхозом, расположенным за перевалом. Адиль говорил, что совхоз этот республиканского значения, а добраться туда сейчас можно только горными тропами. Кроме самого шоссе, нужно было построить несколько мостов через небольшие горные речки. На строительстве одного из мостов предстояло работать мне. До этого места нетрудно было добраться на машине, и мы решили, что обоснуемся там, на строительстве, а Адиль будет каждый день ездить к себе в управление, благо шофёр ему не нужен, он сам прекрасный водитель.

Мы ехали по горной дороге через лес. Все свои девятнадцать лет я прожила в Баку и никогда не видела такой красоты. Был конец мая. В Баку уже начиналась летняя жара, а здесь все цвело, и лес был наполнен благоуханием. Вдали на горных вершинах блестел снег. Из скал пробивались ручьи – чистые, студёные...

Сплошной стеной стояли по обеим сторонам дороги дикие яблони, груши, ореховые деревья. Ветви их почти смыкались наверху, и мы мчались сквозь зелёный тоннель. Кое-где среди деревьев виднелись огромные обломки скал, заросшие мхом.

Через некоторое время мы выехали на небольшое плоскогорье и сразу услышали шум воды и грохот камней. Один край площадки круто обрывался

в глубокую тёмную пропасть, другой примыкал к поросшему густым лесом склону. Маленькое это плато ровно посередине прорезала речка, вытекавшая из леса. Неширокая, но бурная, она пересекала плато и с шумом низвергалась в пропасть.

Двое рабочих стояли на берегу. Работал бульдозер. Он оттащивал к пропасти обломки скал, завалившие дорогу после взрыва, и сталкивал их вниз, в пропасть. Вот отчего этот грохот – гремели падающие камни, и пропасть отзывалась мощным, раскатистым эхом.

Поговорив с рабочими на берегу, Адиль обернулся ко мне и кивнул на виднеющуюся у леса палатку:

— Может, и мы так расположимся?

— Давай. Вон под тем деревом, ладно? — Я показала на могучий дуб, росший у самого леса. Это было метрах в пятидесяти от палатки рабочих.

Мы быстро выгрузили из машины свои пожитки, поставили палатку, раскладную мебель: две кровати, стол, стулья. Ковром нам служила свежая, пышная трава.

Переодевшись, мы взяли мыло, полотенце и спустились к речке. Вода была холодная, прозрачная, мы сразу почувствовали себя бодро, — оказывается, мы совсем не устали. Да и с чего нам уставать – оба молодые, сильные, здоровые!

– Адиль, чай поставить?

– Неплохо бы, – ответил муж, рассматривая стройматериалы, сваленные неподалёку.

Маленький столик, который мы поставили у входа в палатку, я накрыла белой скатертью, достала печенье, конфеты. Потом позвала мужа. Он велел мне пригласить к чаю рабочих.

Первыми явились Солтан – черноволосый, среднего роста, и широкоплечий бетонщик Керемхан – с густыми черными усами и низким голосом. Оба молодые, лет под тридцать. Тяжёлым шагом, чуть враскачку подошёл бульдозерист Гарибджан и с усмешкой на красивом смуглом лице остановился перед палаткой.

– Садитесь, – пригласила я его. – С вареньем будете пить?

Он молча кивнул.

– А мы все здешние, из этого района, – заговорил Солтан. – Только деревни разные. Гарибджан недавно из армии, в прошлом году демобилизовался.

– Да? – удивился Адиль и вежливо поинтересовался: – В каких частях служили?

– В танковой, – коротко ответил Гариб.

– И звание имеет? – спросил Адиль.

– Да, младший лейтенант.

Я налила ещё по стакану. «Гарибджан, – думала я, – какое странное имя».

Адиль заговорил о строительстве...

На следующее утро, ровно в восемь, Адиль уехал в райцентр, в управление, а я отправилась на стройплощадку – первый раз в жизни шла на работу.

Солтан, Гариб и Керемхан были уже на месте. Они поздоровались со мной, как со старой знакомой.

– Ну, как вам первая ночь у нас в горах? – улыбаясь, спросил Солтан.

– Да я, собственно, никакой ночи не видела. Легла – как провалилась, до утра на одном боку проспала! Мало что пока могу сказать о ваших горах.

Я обошла участок, внимательно осмотрела его. Кажется, все было в порядке.

– Ну что ж, стройплощадка готова, можно начинать... – сказала я, стараясь держаться как можно увереннее.

Когда я заявила, что буду выполнять ту же работу, что и они, ребята дружно запротестовали. Однако я не собиралась сдаваться.

– Мозоли натрёте, сестричка. – Солтан с сожалением посмотрел на мои руки. – Вон у вас ручки какие беленькие, мягкие. Огрубеют, будут жёсткие!..

– Ничего, меня это не очень огорчит.

– Зато начальник не обрадуется, – подмигнул ребятам Керемхан.

Солтан захохотал, Гариб сдержанно улыбнулся...

Некоторое время я довольно бодро размахивала своим ломом, но очень скоро поняла, что долго меня не хватит. Когда я почувствовала, что сейчас брошу лом, Солтан вдруг крикнул:

– Перекур!

– Не рано ли? – спросил Керемхан, вытирая потный лоб тыльной стороной руки. – Так мы много не нарботаем!

Вместо ответа Солтан чуть заметно кивнул в мою сторону. Я, пошатываясь, отошла и бросилась на траву.

«Перекуры» устраивались каждые полчаса, правда, небольшие, на несколько минут. Наконец наступило время обеда.

В два часа мы собрались у нашей скалы. Работали все на совесть, и я старалась не отставать от товарищей. Спина и руки ныли, ладони были в кровавых мозолях. Это верно, Адиль будет огорчён, ему так нравились мои руки...

Послышался шум подъехавшей машины.

– Наверно, Адиль! – воскликнула я и, раздвигнув ветки, взглянула вниз. – Он! Адиль! – громко закричала я.

Так в несколько необычных условиях началась моя трудовая деятельность. Сначала мне даже нравилась эта таинственная обстановка, было весело и немножко походило на игру. Потом стало обидно.

У меня уже почти не болела спина – в обед мы даже иногда играли в теннис, а вечером я занималась хозяйством: готовила, стирала, гладила...

Однажды вечером к приходу Адилья я стала не спеша накрывать на стол. Приготовила салат. Положила ножи, вилки. Разлила суп по тарелкам и разогрела жареное мясо. В маленький хрустальный графинчик, привезённый из Баку, налила ледяной речной воды. Рядом поставила стакан с тюльпанами, которые нарвала у подножия горы. Стол выглядел прямо празднично.

Мы с удовольствием принялись за еду – аппетита нам обоим не занимать. После еды я предложила:

– Полежи, Адиль, ты устал сегодня.

– А ты?

– А я пока уберу со стола.

Адиль ничего не ответил, встал и пошёл в палатку. Я вымыла посуду, поставила чайник – после ужина Адиль всегда пил чай.

Как хорошо кругом! Снежная вершина вдали, похожая па парящего в небе белого орла, зелёные молчаливые горы, аромат цветущих яблонь... Мне захотелось стать самой прекрасной и сильной – слиться с этой торжествующей красотой...

Я умылась, взяла зеркало и стала расчёсывать свои короткие волнистые волосы, которые вечно почему-то путаются.

Адиль лежал на кровати и держал перед собой газету, но смотрел на меня.

– Ты что это прихорашиваешься, – спросил он, зевнув, – собираешься на концерт самодеятельности?

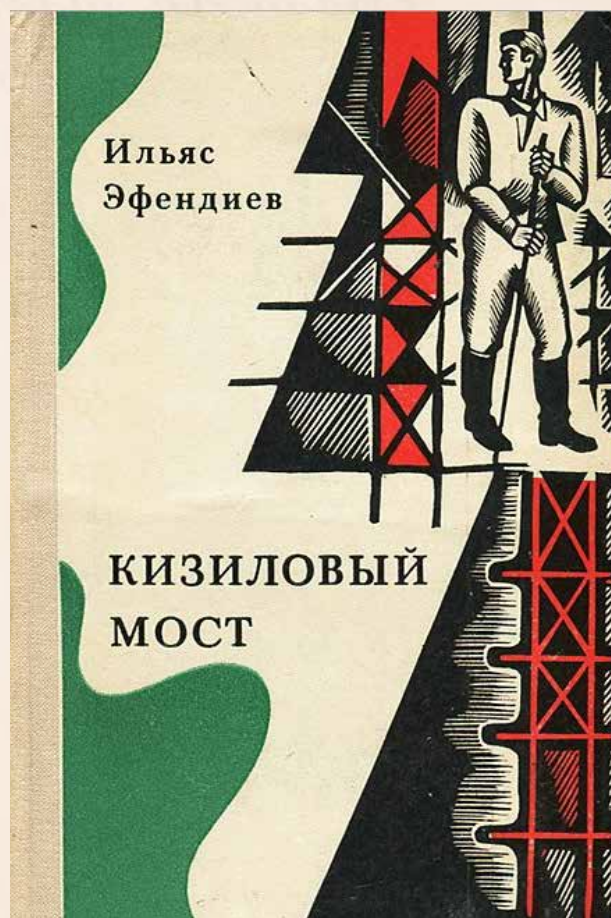
– Нет, Адиль, не на концерт. Поиграть в теннис.

– Разве здесь есть корт?

– Гариб своим бульдозером такую площадку выровнял, что лучше всякого корта. Он меня вчера в обед обставил с позорным счётом. Должна же я взять реванш! А ты ложись, отдыхай. Приду – чай будем пить.

Он ничего не ответил и снова взял газету. Я достала ракетку.

– Ну, я пошла, Адиль-джан. Пока!

Солтан играл с Керемханом. Гариб сидел на большом камне и перочинным ножом вырезал из куска дерева чубук. Увидев меня, он встал и принёс мне табуретку.

– Вот, Сария-ханум, полюбуешься на своего приятеля, – Керемхан кивнул на Солтана. Керемхан и Солтан давно уже были со мной на «ты», только Гариб, видимо, считал это недопустимым. – Сто потов с него согнал! А ещё рыпается! Держи гол! – крикнул Керемхан, сильным, точным ударом посылая мяч за сетку.

– Цыплят по осени считают! – откликнулся Солтан, отбивая мяч.

– Обставят они нас с вами, Солтан!.. – пожаловалась я.

– Ничего, Сария-ханум, мы им ещё покажем! Дай только разыграться!..

И правда, на этот раз Солтан выиграл и начал дразнить приятеля.

– Ну, это я тебе просто фору дал, – шутиливо отмахнулся Керемхан. – Сарию-ханум не хотелось расстраивать.

– Дождёшься от тебя милости, как же! – Солтан вытер платком потное красное лицо и, очень довольный собой, пошёл умываться.

– Вставайте, что ж вы? – сказала я Гарибу, вынимая из чехла ракетку, и сбросила на траву свою куртку.

Бульдозерист не спеша поднялся, повесил на ветку мою куртку и, глядя в сторону, произнёс словно нехотя:

– Давайте...

– Знаешь что, Гарибджан, – заметил Керемхан, внимательно следивший за нашей игрой, – тебе сегодня несдобровать, Сария-ханум играет зверски!

Сегодня я надела лёгкое короткое платье с рукавами по локоть и теннисные туфли, чтобы было легче. Я носилась по площадке как сумасшедшая, давала резанные мячи, мазала, спорила, обижалась... Солтан болел за меня, Керемхан – за Гариба. Гариб играл молча и серьёзно; он, казалось, даже не слышал реплик Керемхана. Спокойно, равнодушно поглядывал он на меня, видимо не сомневаясь, что обыграть его мне не под силу... Разумеется, он снова обставил меня – я не выиграла ни одного сета.

– Дайте, пожалуйста, куртку, вы очень высоко её повесили, – сквозь зубы процедила я, когда мы кончили играть.

Гариб снял куртку с ветки и подал мне, держа двумя руками. Я сделала вид, что не заметила его подчёркнутой вежливости...

– Ой, засиделась, Адиль-то, наверное, уже встал. – Я вскочила. – До завтра, ребята, спокойной ночи.

Адиль сидел около палатки и аккуратно очищенным карандашом записывал что-то в тетрадку.

– Ты давно встал? – спросила я виновато. – Сейчас будем чай пить. Он улыбнулся, как всегда, ласково и снисходительно.

– Тебе чай с вареньем?

– Пожалуй...

Я положила в вазочку любимого варенья Адилья – кизилового. Потом налила чаю.

– Знаешь, Адиль, мы сегодня здорово работали. Если так дело пойдёт и дальше, очень быстро управимся с мостом.

Он ничего не ответил.

– Адиль, а после этого моста мы будем строить там, за красной скалой?

Он молча кивнул.

– Кончится строительство, мы уедем, а мосты останутся. Это как добрая память о нас... Люди будут ездить туда, за перевал, на фермы, и не будут знать, кто построил этот мост, а построили его мы! Правда, здорово?

– Конечно.

– Завтра закладываем фундамент моста. Закончим его, сяду за руль – и как газану! Первая проеду по мосту. И прямо туда, на фермы, за перевал!

– Ты что же, одна туда собралась? – с улыбкой спросил Адиль.

– Что ты! С тобой, конечно!

Мы немного помолчали.

– Знаешь, мне иногда почему-то кажется, что там, за перевалом, не просто обычные животноводческие фермы, а какая-то таинственная страна, и люди там говорят на каком-то своём языке... И все счастливы...

— А разве ты не счастлива, Сария?

— Нет, я счастлива, конечно, но там все, все счастливы! Понимаешь? Вот такое чувство.

Утром мы с Адилем поднялись рано и спустились к реке – умыться...

Вода была такая прозрачная, что можно было разглядеть каждый камешек на дне. Солнце освещало долину косыми скользящими лучами. В лесу не умолкая пели птицы. Адиль быстро собрался и на газике уехал на работу. Чуть позже и я отправилась на работу.

– Вот, Сария-ханум, подпиши-ка, – сказал Солтан, протягивая мне авторучку и какую-то бумагу.

В ней значилось, что члены бригады строителей Солтан Гусейнов, Керемхан Ибрагимов, Гарибджан Велиев и Сария Джафарзаде начали укладку ферм этого моста.

Я тщательно вывела свою фамилию под их подписями и стала осматривать фундамент. На душе у меня было ясно и радостно, как в большой праздник...

– Порядок! Можно начинать! – крикнула я ребятам.

Солтан сунул бумагу в бутылку из-под пива, тщательно запечатал ее и замуровал в фундамент.

– Двадцать один залп из семнадцати орудий – огонь! – крикнул Керемхан и протянул к нам руки. Мы – Гариб, Солтан и я – были у него сегодня помощниками, подавали камни.

– Сария-ханум! – обратился ко мне Керемхан. – На другом месте работать будешь, вспоминай Кизиловый мост. (Мы так прозвали наш мост – вокруг росло очень много кизила.)

– Да... – вздохнул Солтан. – Это ещё неизвестно, кто где будет работать...

– А я думаю, что Сария-ханум теперь никуда не уйдёт. Всегда будет работать вместе с нами, – задумчиво произнёс Гариб.

Я чуть не подскочила от возмущения:

– Почему это вы так уверены?

– Потому... – Гариб медлил, видимо наслаждаясь моей злобой. – Вы же подписали бумажку. – Он кивнул в ту сторону, где была замурована бутылка. – Теперь нам с вами просто невозможно расстаться...

Было уже время обеда. Адиль был большим любителем плова, поэтому я принялась перебирать рис, хотя мне очень хотелось просто полежать в тени, а не возиться со стряпнёй. К тому же обед у меня был готов ещё с вечера. Ну, ничего, зато хоть теперь Адиль будет доволен.

Я постелила белую крахмальную скатерть, достала банку консервов, которые очень любил муж, и, оставив стол произведениями своей домашней кулинарии, вернулась на работу, так ничего и не поев. Мне хотелось поужинать вместе с Адилем, а он все не ехал.

До самого вечера мы выкладывали стены моста, помогая Керемхану.

– Что, устала? – несколько раз ласково обращался он ко мне. – Ничего, на то мы и строители! «Мы наш, мы новый мир построим!» – неожиданно пропел он. – Понимаешь?

...Адиль вернулся около четырёх. Оставив «газик» у палатки, направился прямо к нам. Он казался весёлым – я никак не ожидала этого сегодня.

– Ну, ребята, как дела?

– Да ничего, не жалуемся...

– Мне сегодня звонил министр... Кажется, там довольны нашей работой... Я доложил о нашей работе. Ваши имена упомянул. – Адиль сделал многозначительную паузу и посмотрел на Солтана. – Просил, чтобы к нам на стройку прислали кого-нибудь из газеты. Пусть посмотрят, оценят... Может быть, и очерк напишут.

У Солтана и Керемхана были совершенно непроницаемые лица. На начальника они не глядели. Бульдозерист же не прятал глаз, он смотрел все так же дерзко и насмешливо, но почему-то не на Адиль, а на меня...

– А зачем он нужен, очерк этот? – спросил Солтан.

– Как это зачем? – искренне удивился Адиль.

– Пойдём, Адиль, ты, наверное, есть хочешь. Голодный утром уехал.

Адиль недоумевающе посмотрел на меня, потом на остальных. Повернулся и, не сказав больше ни слова, пошёл вслед за мной к нашей палатке.

Когда, переодевшись, он сел за стол, из палатки рабочих послышался громкий смех.

Я положила плов в тарелку и поставила её пе-

ред Адилем.

– А ты?

– Я не хочу... Я ела...

– Ну, как же я один?..

– Подумаешь, больше достанется, — попыталась я пошутить.

Адиль охотно улыбнулся мне в ответ.

– Да, Сария, понимаешь, доволен мной министр... – Из палатки ребят опять послышался смех.

– Неплохо для начала, как ты считаешь?

– Конечно, Адиль. Ты ещё есть будешь?

– Нет, Сария, спасибо, наелся.

Он встал из-за стола. Я не смотрела на мужа, но все время чувствовала на себе его озабоченный, вопрошающий взгляд. С остервенением я тёрла полотенцем посуду. Одна тарелка даже сломалась – конечно, потому что давно уже была треснута, – но я совершенно не огорчилась. Наоборот, мне казалось, что если бы вся посуда разлетелась на тысячу осколков, мне стало бы легче.

Адиль сначала читал газету, потом отложил ее, вошёл в палатку и лёг на кровать, прикрыв глаза рукой.

Я поставила кипятить чайник. Играть в теннис мне сегодня не хотелось. С Адилем тоже не хотелось говорить. Я сидела на траве у входа в палатку и смотрела перед собой. Долина впереди — глубокая, широкая и голубая, словно море в ясное, безветренное утро. Вдалеке горы, сказочные, таинственные, покрытые лёгкой дымкой. А орёл, парящий сейчас над ущельем, если захочет, может взлететь туда, на самую высокую гору, сидеть себе и смотреть на нас сверху. Мне хотелось разреветься. В чем дело? Я не могла этого понять, но чувствовала, что несчастна...

Когда утром пришла на работу, меня встретили сдержанно. Товарищи, казалось, были чем-то озабочены. Понятно, я так и ожидала. Ведь они не могли знать моих вчерашних дум и сомнений, и сейчас я была им чужой. Гариб даже не взглянул на меня. Как он, наверное, меня презирает!

– Сразимся вечером? – с напускной веселостью спросила я Гариба.

Он осуждающе взглянул на меня, и я сразу почувствовала себя маленькой, жалкой девчонкой.

– Нет, сегодня не могу, некогда, – сказал Гариб и отвернулся.

– Вы, однако, дорого цените свое время, – сказала я как можно язвительней.

Он посмотрел на меня тяжёлым взглядом.

– Не так дорого, как ваш муж.

– Гариб! – строго прикрикнул на него Солтан.

Но бульдозерист словно не слышал. Он подошёл

ко мне совсем близко и продолжал, усмехаясь: – Сария-ханум, передайте вашему супругу: мы работаем не для министра и не для вашего мужа.

– Послушай, – дёрнул его за рукав Солтан, – зачем ты все это Сарие-ханум говоришь? Она-то при чём?

– Да нет, почему же, – заметила я, глядя прямо в глаза Гарибу. – Я в точности передам мужу ваши слова.

– Да уж пожалуйста.

– Прекрати, Гариб, – резко перебил его Керемхан.

Вечером за чаем я спокойно, как будто это были какие-то пустяки, передала мужу «просьбу» бульдозериста. Адиль промолчал...

Мне уже не хотелось лежать. Я села под большим дубом над обрывом и стала смотреть на бурлящую внизу речку. Почему-то мне вспомнился первый день нашего приезда сюда: бульдозер у самой пропасти и тяжёлые глыбы, с грохотом скатывавшиеся вниз. Мне казалось, что с тех пор прошла целая вечность. Мы так славно жили в Баку, а здесь что-то нехорошее встало между нами, я почему-то чувствую себя одинокой. Хотя почему одинокой? А Керемхан, Солтан? А Гариб? Ну да, и Гариб...

Какие они все-таки хорошие, эти ребята. Мне захотелось пойти к ним, но я подумала, что я замужем, что муж мой ответственный работник, и от моего поведения в значительной степени зависит его будущее. Впервые мне стало жаль, что я замужем. Прав папа – в наше время работающей женщине незачем так рано выходить замуж...

Я посмотрела на палатку ребят. Все трое стояли у входа. За плечами у Керемхана висела двустволка. Он что-то сказал товарищам и, напевая свою песенку, пошёл к лесу. Куда он? Солтан догнал Керемхана, они обернулись и, посмотрев на нашу палатку, засмеялись. Керемхан помахал мне рукой. Я помахала ему в ответ, и мне стало веселее. Замечательный парень этот Керемхан – весёлый, добрый.словно брат...

Я спустилась к реке и умылась. Адиль не должен знать, что я успела поревевать. В прозрачной, чистой воде отражались солнечные лучи. Видна была каждая прожилочка на камнях. Над кустами ежевики, склонившимися к воде, усеянными белыми цветами, порхали золотистые бабочки. Кругом так спокойно, легко, ясно...

Вечером, когда мы с Адилем пили чай у входа в палатку, мимо нас прогромычала пустая полуполторка. Керемхан выглянул из кабины и кивнул мне. Минут через пять машина прошла обратно.

Керемхан сидел рядом с водителем, а Гариб и Солтан стояли в кузове, держась за крышу кабины. Адиль проводил их взглядом, положил себе в чай варенья и, глотнув из стакана, сказал, словно раздумывая:

– Если они завтра опоздают к началу рабочего дня, всех сниму с работы. Мы должны бороться с малейшими нарушениями дисциплины.

«Мы!» Я на секунду представила себе, что скажет Гариб, когда им объявят, что все они сняты с работы, и какое у него будет при этом выражение лица. «Мы»...

Утром ровно к восьми все были на месте. Адиль мельком взглянул на рабочих, заправил «газик» и уехал.

– Кончай! – весело вскричал Солтан. – Перерыв! Сария-ханум, до нас дошло, что вы кебаб любите, а мы вчера из деревни такую баранину привезли!.. Будете с нами кебаб есть?

– Ещё бы! Сейчас, только замеры кончу.

Мы расположились около их палатки. Гариб разводил огонь, Солтан резал на столе помидоры, привезённые из деревни, а Керемхан нанизывал куски мяса на тонкие, только что обструганные палочки. Рядом с ним стояла миска наперчённого, потемневшего мяса. Это они заготовили ещё утром.

Я под села к Керемхану, взяла палочку.

– Нет! – решительно отстранил меня Керемхан. – Это дело не женское. Борщ, суп, котлеты, даже плов – пожалуйста, а кебаб по-настоящему может изжарить только мужчина.

– Сария-ханум! – просительным тоном сказал Солтан. – Что знает Аллах, знайте и вы – есть у нас заветная бутылочка. Разрешите, мы её сейчас достанем...

– Доставайте, разрешаю.

– Слава богу!

Через минуту на столе была бутылка красного вина и четыре стакана.

– Ну, за нашу бригаду! – Керемхан налил всем и поднял стакан.

Мы тоже подняли свои и, сдвинув их, чокнулись друг с другом. Ребята разом осушили стаканы. Я, конечно, отпила только несколько глотков.

– За досрочное завершение строительства! – провозгласил последний тост Керемхан.

Пора было снова приниматься за работу. Солтан вскочил, скомандовал: «Бригада, стройся!» Мы направились к мосту.

– А малыш наш ничего! – ласково сказал спустя время Керемхан, погладив шершавые камни опоры. – Поднимается понемножку!

И правда, с каждым днём наш «малыш» становился все выше, красивее, крепче. Созданный нашими руками, он иногда казался мне живым существом: словно ребёнок растёт, взрослеет и начинает радоваться яркому солнцу, весеннему шуму реки, громким голосам людей...

Чтобы ускорить строительство, Адиль хотел подбросить нам двух рабочих. Мы дружно запротестовали: «Сами поставим нашего малыша на ноги!».

– Как знаете, – сказал Адиль. – Возражать не буду, но работа должна быть закончена ровно через два месяца – менять сроки, о которых уже сообщено в центр, я не собираюсь.

– Можете не беспокоиться, товарищ начальник! – уверенно сказал Солтан. – В центре будут вами довольны.

Мы давно уже договорились между собой, что закончим мост на двадцать дней раньше срока. Почему Солтан не сказал Адилю об этом? Теперь тот чувствует себя оскорблённым... И почему так получается: только что всем было весело, хорошо, и вдруг этот неприятный разговор с Адилем. Какой-то мутный осадок на душе...

В этот день муж вернулся домой часов в семь. Ел с аппетитом, шутил – настроение у него было прекрасное.

– Ты что все на часы поглядываешь, Адиль? Куда-то ехать надо?

– Нет, девочка, не ехать. В девятнадцать тридцать будут передавать очерк о нашем строительстве. Включи-ка приёмник.

– А откуда ты знаешь? – спросила я, настраивая радиоприёмник.

– Звонили сегодня из Баку.

Сначала диктор рассказала о студенческих годах Адилья, о его работе в министерстве. «Джафарзаде – талантливый инженер. За четыре года его работы в министерстве не было ни одного случая, чтобы этот деятельный, энергичный человек не выполнил данного ему поручения. Ему давались все более и более ответственные задания. Вместе с опытом рос и авторитет способного инженера...»

Диктор читала звучным, чистым голосом, отчётливо выговаривая каждое слово.

Муж внимательно слушал, что о нём говорят, и лицо у него было такое, словно он проверял, не пропустил бы диктор чего-нибудь существенного.

Затем в очерке сообщалось о том, что прекрасный организатор Джафарзаде назначен начальником строительства дороги в К.-ском районе.

«С приходом нового энергичного руководителя жизнь на строительстве забила ключом. Его, всегда подтянутого, в брезентовых сапогах и пёстрой ковбойке, можно видеть на самых ответственных участках строительства...»

Напряжённое выражение исчезло с лица Адилья. Он облегчённо вздохнул. Видимо, услышал все, чего ждал.

Он смотрел на далёкие горные вершины, но я чувствовала, что видит он не их, а свои будущие успехи, награды, повышения...

«Его жена, молодой техник Сария Джафарзаде, руководит на том же участке работами по строительству моста – Кизилового моста, как его назвали строители...»

Я обернулась к Адилю. Он ласково и слегка покровительственно улыбался мне. Это было уже слишком. А диктор продолжала: «Молодому технику поручен трудный, ответственный участок. По её инициативе бригада отказалась от предложенной администрацией подмоги – строители моста своими силами обещали досрочно закончить все работы. Сария-ханум не останавливается на достигнутом, она собирается поступать на заочное отделение строительного института.

Организаторский талант инженера Адилья...»

«Боже мой, – с ужасом думала я, – ведь у них в палатке тоже есть приёмник... Они все слышали!»

Когда диктор кончила, Адиль улыбнулся и ласково-вопросительно посмотрел на меня: «Ну как?»

– Знаешь, Адиль, – вдруг вырвалось у меня, – а я сегодня напилась! Такое у ребят вино замечательное! Жаль, тебя не было.

– Что? Ты пила с ними?

– Да. А что тут особенного? Прекрасное вино!..

Он молча смотрел на меня. Удивление, смешанное с ужасом, было в его взгляде. Потом сказал негромко:

– Странно... Ты ведь не любишь вина.

– Ну почему же? Если угощают...

– Напрасно ты пила. Я не ожидал этого от тебя.

– Не ожидал?..

Мне хотелось ответить, что я тоже не ожидала... не ожидала, что буду, как оплёванная сидеть сегодня у радиоприёмника. Но не нашла достаточно злых и обидных слов, вскочила, с остервенением оттолкнув упавшую табуретку, и бросилась на свою постель.

Перевод Тамары Калякиной